

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Евгений ШЕПЕЛЬСКИЙ

ФАРАНГ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Ш48

Серия «Современный фантастический боевик»

Выпуск 91

Оформление обложки *Антонина Калласа*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Шепельский, Евгений Александрович

Ш48 Фаранг : роман / Евгений Шепельский. — Москва: Издательство АСТ; Редакционная группа «Ленинград», 2016. — 384 с. — (Современный фантастический боевик).

ISBN 978-5-17-096272-3

Сбылась мечта идиота: я попал в другой мир, мир меча и магии. Да не просто попал, а — поменялся телом со здоровым воином по имени Джорек, грозой врагов, любимцем женщин. Теперь я — это он, и впереди — дивный новый мир. Казалось бы, живи да радуйся. Но... те, кто переселил меня в новое тело, заблокировали все воспоминания Джорека. Я — это он. Да вот беда: я не помню прошлого, а в этом прошлом успел натворить столько бед, что не разгрести и за тысячу лет. Меня называют ублюдком, убийцей, вором, пытаются убить, повесить, отравить. Друзей нет. Врагов — несметное число. И совсем мало времени, чтобы разобраться в тайне личности Джорека. Точнее, времени совсем нет. Впереди — еще одно преступление, которое я должен совершить. Не могу не совершить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-096272-3

© Евгений Шепельский, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Благодарю Олеся Дмитриеву из Екатеринбурга, которая придумала для этой книги новое и весьма звучное название.

Благодарю Марину Янковскую, прекрасную читательницу из Москвы, чье позитивное отношение поддерживало морально.

Благодарю дiтку, который застал этот текст еще в позе эмбриона семь лет назад и с тех пор тербил автора, чтобы дописал (и я все-таки его дописал!).

Спасибо всем читателям, кто поддерживал.

* Ф а р а н г (тайск.) — чужеземец, наемник.

Не верьте тем, кто говорит, что понедельник — день тяжелый. Вторник, скажу я вам, ничуть не лучше, да и пятница та еще мачеха, особенно если тебе не с кем, некуда, да и не нужно. Если ты в разладе с самим собой и весь мир выписан для тебя в серых красках. Если ты раз за разом просыпаешься в пустой квартире, из которой давно испарился женский смех...

Итак, утро вторника началось со звонка будильника. Знаю, банальное начало, но есть некие отправные точки, и от них автору легче начинать повествование. Бац: проснулся, побежал. Или не побежал, а медленно пополз, если вчера набрался. К телефону или к двери, если за ней трезвонят. Или... куда-то в направлении ванной, медленно так, борясь с тошнотой. Ну, не мне вам пояснять, а? Или просто к чертовой матери.

Утро — всегда новое начало, но оно редко бывает добрым. Эту нехитрую истину я усвоил еще до того, как мне стукнуло пятнадцать. Когда просыпаешься на рассвете и стремглав летишь к двери, где проведены карандашом черточки-отметки твоего роста, и... и понимаешь, что не растешь уже который месяц, что твой рост застыл на отметке сто пятьдесят два сантиметра. *И что так будет всегда.*

Я сбросил простыню, скатился на пол и начал отжиматься на кулаках. Знаю, такие штуки с утра вредят сердцу, но мне по барабану. Привык еще с армии: побудка — зарядка. А на гражданке... В смысле, не зарядка на гражданке, то есть... Черт, я путаюсь! Короче говоря, от такой зарядки (на гражданке!) я просыпаюсь быстрее,

чем от чашки зверской робусты, хотя лучше бы гражданка продолжала мирно посапывать в моей постели.

Увы, гражданка ушла от меня месяц назад. Проверив телефон, я, как обычно, не увидел от нее посланий. Но что-то подсказывало — сегодня новости будут. Либо я наконец решусь ей позвонить, либо она.

Так, теперь умыться и побриться. Ненавижу ходить заросшим, а зарастаю я быстро, так что бриться приходится каждый день.

Зеркало в ванной отобразило плотного, крепко сбитого парня с упрямым подбородком, короткой стрижкой и внимательным взглядом (и если вы решили, что я хвалю себя — вы правы).

Не люблю зеркала... Некоторые, чтобы я в них отразился, требуют привставать на цыпочки.

Пока я кудесничал в ванной, маленькую бабушкину квартиру (отцовское наследство) заполонило солнце. Разгар лета, жара... К полудню в квартире будет бесplatная сауна — заходи, парься.

Я заварил чаю, шлепнул на сковородку пару яиц, позавтракал под песни Питера Гэбриэла. В комнате мирно дремал ноут. Я клацнул мышкой, и экран ожил. Где-то в дебрях Кураста застыл под атакой мой варвар из второй «Дьяблы», вооруженный, аки истинный голворез, сразу двумя пудовыми клинками. Вокруг него роились серокожие карлики с мясницкими тесаками и духовыми трубками, а стамина бедняги показывала уверенный ноль.

Как я вчера уснул, не вырубив ноут? Не помню... Ну да, жара, да и старость — не радость, уже, почитай, двадцать седьмой годок мне: ума нет, денег нет, жены — нет, даже внебрачного ребенка не сделал.

Так, ноут — выключаем, шорты — проглаживаем, смотрим на часы — охаем, хватаем свежую футболку и напяливаем. Ну и панамку не забываем. Солнце голушку нагревает.

Когда надевал футболку, внезапно стрельнуло под левой лопаткой, да так сильно, что я присел.

Что за... Я осторожно вздохнул. Проверил рукой, может, режутся крылья? Хрень какая-то... Я же здоров, абсолютно, сердце как пламенный мотор, и вообще... Наверное, это от жары. У нас в Екатеринбурге, в июле месяце две тысячи двенадцатого года термометр уже который день уверенно показывает тридцать три в тени.

Я подождал еще минуту, стараясь дышать осторожно и не делая резких движений. Новых приступов боли не последовало. Ну и отлично. Спишем все на жару и стресс.

Я сунул ноги в кожаные сандалеты тридцать седьмого размера и, приподнявшись над миром еще на три сантиметра, победно развел плечи.

Тут затрезвонил мобильник.

— Тиха, ну где ты там, елки твои моталки?

Звонил Серега Ключевский, мой приятель, похабник, матерщинник, эрудит и вообще неплохой человек, хотя и порядочный зануда. Мы с ним работаем на одном рынке, он торгует секунд-хэндом у каких-то крутых арабов, я же занимаюсь благородным делом спасения домашних животных в маленькой ветклинике на территории рынка. Оба мы, что характерно, закончили институты, оба — не совсем дураки, оба — прозябаем на копеечной работе, хотя, честное слово, достойны лучшего. Почти как в фильме «Клерки».

— Поймал в прихожей, — буркнул я. И вспомнил, чего так волнуется Серега. Он, как бы сказать помягче, тот еще ходок по бабам. Но когда ты ходишь, желательнее замечать следы, а вот с этим у него случился недавно очевидный прокол: Сереге пообещали набить морду и назначили randevu у ворот рынка ранним утром. Я хоть и мал ростом, зато не дурак подражаться, а что касается Сереги, то драться он умеет только в «Mortal Combat», на ясельном уровне сложности.

— Не стремайся, добрый молодец, храбрый доктор уже едет, — сказал я. Говоря по правде, хорошая трепка вправила бы Ключевскому мозги, но нельзя же предавать товарища, верно?

— Ну, давай, — сказал он с деланной небрежностью. — Я тоже поехал. *Акула мотата!*

— И тебя с Новым годом.

Выходя из квартиры, я вспомнил, почему не отрубил ноут.

Странное приключилось со мной вчера вечером. Странное, если не сказать — страшное. А почудилось мне, что комната начала растворяться и вместо стен вдруг открылся простор: пронзительно зеленый лес с высоты птичьего полета, и заснеженные горы, у подножия которых высился дивной красоты город — не Минас-Тирит, но тоже вполне, вполне, из светло-серого камня, с башнями-шпилями и необычайно прекрасным белокаменным дворцом на макушке холма. «Ступай в Вермор... В Вермор, мой друг... — услышал я в своей голове женский голос с приятной такой чувственной хрипотцой. — Мы проведали, что *она* родилась. Значит, время пришло... Двигайся к Рендуму как можно скорей, пересекай границу, не входя в пределы Корналии. Там *глейв* и *Сумрачье* — неходи туда! Ты нужен всем *нам!* Помни про...» Этот голос внезапно был заглушен целым хором, который что-то горячо обсуждал на незнакомом мне языке, злобно и рьяно. И звучало там имя, я точно знал, что это — имя. Джорек. Женский голос — не тот, хриплый, а другой, бархатный, мягкий, повторял его: «Джорек, Джорек, Джорек...» И говорила женщина с такой тоской и злостью, что меня пробрал ужас.

Галлюцинации длились считанные секунды, затем мгновенно исчезли. Но мне хватило и этих секунд.

Холодный пот выступил на лбу. Я присел на кровать в глубоких раздумьях на тему разнообразных психических расстройств. Я не врач, я всего лишь ветеринар,

но моих медицинских познаний хватает, чтобы сделать кое-какие выводы. Психоз, расстройство личности, шиза — выбирайте по вкусу. В любом случае, если это повторится, мне придется обратиться к врачу. А пока... лучше списать все на усталость и жару: от жары, да будет вам известно, у людей частенько шарики заезжают за ролики. Временно. Или навсегда, как у американских солдат после вьетнамских джунглей.

Затем я плюнул на самокопания и с головой погрузился в «Дьяблу», играя самым честным персонажем — варваром. Он полагается только на смекалку и голую силу, и ненавидит подленькую магию, с которой так легко убить человека на расстоянии, с которой самый дрищеватый подросток может стать героем. А что? Качаться не нужно — получил магическую силу, и вперед. Особенно если существует Предсказание, согласно которому ты — Избранный, и так далее, и тому подобное. Ну, не мне ли вам пояснять?

Играл я до упора, чтобы отвлечься, играл, пока от кликов мышью не занял указательный палец, а тот самый нерв, что ведет от пальца к спинному мозгу, не скомандовал — «Спать!».

Лес и горы... И голоса. И имя — Джорек.

Джорек. Кто он такой, этот Джорек?

Я — Тиха, Тихон Громов. У отца было неплохо с чувством юмора, раз он дал мне это имя при наличии такой *громкой* фамилии. А мать... Не хочу о ней говорить!

Еще раз убедившись, что крылья из спины не растут, я вышел в коридор и захлопнул дверь.

До рынка мне ехать почти час. Маршрутка и метро, от самой «Чкаловской», где, с трудом уцепившись двумя пальцами за поручень, я заглядываю под мышки великанам. Да, мой рост — сто пятьдесят два сантиметра, ниже — только садовые гномы. По улице я хожу с высоко задраннным подбородком, чтобы прибавить себе еще не-

сколько сантиметров, и частенько не могу разглядеть, что делается под моими сандалиями.

Улица плавилась и подыхала от жары. Изнывая, как и большинство прохожих, я прошел, наверное, метров тридцать, глянул в небо, вздохнул, после чего уверенно наступил на чужую ногу.

— Ай! Вс-с-с-с! Мальчик, осторожней!

Девушка в ярко-голубом сарафане смотрела на меня разъяренной кошкой.

— Простите, пожалуйста, — сказал я. — Не заметил...

Тут она толком меня разглядела, и взгляд ее стал точно такой, какой я и привык обычно видеть у девушек. Вариаций взгляда ровно три. Сверху вниз, снисходительно, сквозь меня — презрительно, и самый мерзкий взгляд, *вокруг меня*, как будто Тихи Громова вообще в природе не существует.

Так вот она смотрела *вокруг*.

— Ты вообще не видишь, куда идешь, придурок конченный?

Хорошее начало хорошего дня...

— Да пошла ты, коза!.. — буркнул я и ушел, задрвав подбородок. Она что-то пробормотала мне в спину.

День был испорчен — окончательно и бесповоротно.

Вдобавок мне снова стрельнуло под левую лопатку.

Крылья. Там с вероятностью сто процентов резались крылья. Ну, вернее, крыло. Только вот какого цвета будут перья — белого или черного, а?

2

В дороге постоянно ловил на себе сочувственные взгляды. Умом-то я понимал, что взгляды — обыкновенные (не будем сейчас о девушках), но мой комплекс мог нарисовать сочувствие даже в невинном взгляде ребенка.

Приходилось хранить на лице мрачно-суровое, от-
решенное выражение. В рамках месячника борьбы с соб-
ственным эго я перестал носить темные очки.

У эскалатора, в жаркой и нервной толчее, мне от-
давили ногу, пихнули в бок, а плечистый одышливый
хрыч с баулами рявкнул:

— Двигай, пацан!

Эх, если бы не месячник...

У выхода из метро, чуть дальше распашных дверей,
кто-то, терзаемый душевными муками, написал на ас-
фальте ядовито-зеленой краской из баллончика: «Катя —
сука!» Надпись была старая, позавчерашняя, и уже из-
рядно затоптанная. Сегодня она предстала в новом свете.
Ночью ее тонко зачеркнули красной краской и красным
же приписали внизу: «Я не сука! Катя!»*

Она бы еще добавила свой телефон, чтобы каждый
смог перезвонить и убедиться.

Эх, сколько мне попадалось таких, хм, *круглых* ин-
теллектуалок... Впрочем, как и умных женщин. Эти, как
правило, смотрели *сквозь* меня. За редким исключением.
Это самое исключение так и не отозвалось на мою по-
следнюю смс.

У открытых ворот рынка Сереги не было. Он выныр-
нул из сумрачных дебрей прилавков, едва я прошел на
центральную аллею, и уставился на меня прозрачными
глазами, подавая какие-то знаки. Мы скрылись в тени
навесов.

— Ну, мой юный падаван, Дарт Вейдер заглядывал?
Или мастер Йода успел раньше?

— Приходил, да я спрятался, — сказал Серега, воз-
вышаясь надо мной на полторы головы. Одет он был
как пиратский боцман: черная борцовка, камуфляжная
бандана и шорты-бермуды. Я бы с радостью поменял
свой метр с кепкой на его сто восемьдесят два.

* Реальная надпись.

— Значит, кара световым мечом отложена.
— Он меня не нашел...
— Повезло мужику.
— Говорят, громко матерился, обещал прийти завтра.

— Резвый... Хочется спросить, где ты прятался, но не спрошу — пожалею свои нервы.

— А ты где был, Тиха?

— В метро я был, Серега, в метро! Там душно, темно и противно.

Ну, и проспал я малость, надо было добавить.

Если я сильный, но легкий, то Серега — слабый и тяжелый. При желании и определенном старании он мог бы нарастить на свой костяк отличную мускулатуру. Но нет, он предпочитает накачивать пивом живот. С другой стороны, есть в его неброской внешности что-то, что привлекает девушек и женщин, поэтому отросшее пузо для него не является особенной проблемой. А вот мне, чтобы привлечь девушку, надо... Ну, вырасти хотя бы на двадцать сантиметров. Или стать Наполеоном. Даже не знаю, что проще.

Серега спросил, помогу ли, если рогатый муженек, ставший практически аватаром Дьябло, явится по его душу днем. Я сказал, что помогу, если он, в смысле — Серега, успеет до меня добежать и его не забодают.

— И надень уже повязку на глаз, блин.

— Это зачем? — оторопел Ключевский.

— Для маскировки и полноты образа. А если ногу поломают и будешь передвигаться на костылях — станет вообще отлично.

— А-а-а... Метко пошутил, да. Слушай, а как там твоя эта, которая?..

— Никак, — сказал я. — Не хочу об этом говорить.

С этим мы и разошлись по рабочим местам. Серега отправился вращать колесо торговой сансары, я — врачевать невинных зверушек.

Сеть веткликник «Zогго-хэлс» снимала три комнаты в административном здании рынка. На вывеске слово «Zогго» было написано хитрым образом, сдвоенные «г» были меньшего размера, чем другие буквы, и выкрашены не зеленой, а салатовой краской, в результате вывеска читалась издали как «Zoo-хэлс», звериное, надо понимать, здоровье.

У порога клиники сидел, вывалив язычище и с надугой раздувая и без того толстые бока, старый знакомец Васенька — пожилой канне-корсо, молосс, бойцовская собака с головой, как у теленка. Васеньке шел десятый год, и бедняга, рано одряхлев, как и полагается молоссам, страдал всеми мыслимыми собачьими хворями. Сердце его в такую жару качало кровь все хуже, и Васенька распухал на глазах. При виде меня он с кряхтением встал, а его хозяйка — молодая и исключительно привлекательная особа, промокнула глаза платочком. Была она выше меня на голову, а пес — ростом мне под подбородок.

— Сердце...

Усыплять пса она не хотела, ставить уколы — не умела, и потому Васенька служил надежным источником дохода для филиала клиники. Я кивнул, отпер дверь и пропустил Васеньку с хозяйкой внутрь, где, не надевая халата, вкатил молоссу порцию мочегонного и сердечных гликозидов. Васенька, уже привычный к этой экзекуции, только кряхтел. Глаза у него были по-стариковски мутные, и застыла в этих глазах такая тоска, что сердце мое помимо воли сжималось.

Говорят, у настоящих, *человеческих* врачей происходит профессиональная деформация психики, они грубеют, становятся жесткими, на людские страдания им начхать. Этот верный защитный механизм, который оберегает врачей от стресса, в случае со мной, ветдоктором, ни черта не работал или работал с перебоями. Знаю, что глупо и инфантильно равнять страдания людей и животных, тем не менее — равнял.